

УВАЖЕНИЕ КЪ ЗАКОНУ.

У меня есть желаніе поговорить о предметѣ совершенно невинномъ, и притомъ поговорить въ направленіи весьма строгомъ. Желая, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать укрѣпленію *уваженія къ закону*. Ясно сознаю чистоту своего памѣренія, но, мысленно обозрѣвая памѣченный мною путь, не могу скрыть отъ себя, что мой путь можетъ оказаться не весьма гладкимъ, а по мѣстамъ можетъ оказаться даже и очень *стропотнымъ*. Вижу это, но все же попытаюсь походить по этому пути.

У разныхъ возрастовъ бываютъ свои излюбленныя слова и рѣчи. Въ возрастѣ юномъ слова: *уваженіе къ закону* совсѣмъ не въ ходу. Да и понятно, что въ тѣ годы, когда свѣжимъ молодымъ силамъ приходится пробовать себя, когда думается, что и конца — мѣры нѣтъ нашей силѣ, когда широко отворяются ворота, выпускающія на свободу, на пользованіе тѣми или другими правами и благами жизни, — въ эти годы и трудно, — хотя не невозможно, — настроить себя на такіе тоны, въ которыхъ звучала бы тема: *уваженіе къ закону*.

Иное дѣло наше, — людей, проживающихъ вторую половину своей жизни. У насъ и своихъ, и чужихъ, самыхъ убѣдительныхъ опытовъ необходимости уваженія къ закону накопилось не мало. И наше общественное положеніе, и занимаемая многими изъ насъ должности, и наши семейныя отношенія могутъ настоятельно и часто вызывать насъ на болѣе или менѣе энергическое исповѣданіе и проповѣданіе уваженія къ закону. Мы и исполняемъ свой долгъ:

А

исповѣдуемъ и проповѣдуемъ. Иногда даже безмѣрно пристращаемся къ этому справедливому и вполне законному дѣлу, начинаемъ поминутно садиться на этого коня, не давая ни себѣ, ни ему ни отдыха, ни срока. Доходитъ даже и до того, что мы въ свою проповѣдь выкладываемъ все дочиста, не оставляя въ себѣ ничего изъ выкладываемаго, и какъ-то безсознательно изъ проповѣдниковъ уваженія къ закону превращаемся въ нарушителей законовъ.

Когда дѣло стоитъ на этой ступени, тогда совершается любопытное въ психологическомъ отношеніи явленіе: проповѣдникъ уваженія къ закону даже и не доходитъ до мысли, что самъ онъ — нарушитель закона. Спокойно и чистосердечно онъ совсѣмъ забываетъ прикинуть къ своимъ дѣйствіямъ тотъ нравственный аршинъ, который такъ усердно вертитъ онъ въ своихъ рукахъ и предлагаетъ другимъ. Если онъ находится въ такомъ положеніи, которое обезпечиваетъ его отъ чужихъ попытокъ показать ему этотъ аршинъ хотя издали, иначе сказать, когда всякая попытка обратить его вниманіе на допускаемое имъ нарушеніе должнаго уваженія къ закону можетъ повлечь за собою болѣе или менѣе непріятныя послѣдствія для непрошенныхъ ревнителей: то безсознательному отношенію можно будетъ продолжаться безъ помѣхи до послѣдняго, неизбежнаго для всѣхъ, конца. По наступленіи его, не замедлятъ, конечно, выплыть на свѣтъ Божій, въ той или другой формѣ, въ видѣ ли укоровъ почившему, въ видѣ ли безпристрастнаго суда историка, или въ мягкой формѣ благожеланій поступившему на его мѣсто лицу, въ формѣ чаяній, которыя возлагаются на этого преемника или отдѣльными лицами, или цѣлыми учрежденіями и даже сословіями, — не замедлятъ выплыть болѣе или менѣе рѣзко очерченныя указанія на недостатокъ у почившаго должнаго уваженія къ закону. Выплывать этимъ указаніямъ будетъ легко: они уже безопасны для запоздавшихъ обладателей зоркихъ очей; но за то и жизненное значеніе ихъ не велико. Ихъ значеніе развѣ только тогда можетъ принять не микроскопическіе размѣры, когда къ запоздалымъ указаніямъ однихъ выйдетъ навстрѣчу желаніе другихъ дѣлать не то, что дѣлалось прежде.

Иногда, конечно, наступаетъ горькая нужда выслушивать эти запоздалыя указанія и ранѣе наступленія конца

дней нашихъ. Это бываетъ при измѣненіи нашего положенія къ худшему. Тогда, ободренные надеждою на личную безопасность, съ разныхъ сторонъ выступаютъ съ болѣе или менѣе острыми жалами запоздавшіе просвѣтителі. Жалимому они причиняютъ, конечно, не мало боли: но дѣлу принести пользу они уже не могутъ.

Способность тѣхъ или другихъ дѣятелей безсознательно относиться къ допускаемымъ ими самими нарушеніямъ закона и соединять ее съ сознательною проповѣдію о необходимости уваженія къ закону вырастаетъ, обыкновенно, на увѣренности въ чистотѣ и благотворности своихъ намѣреній. Она-то и застилаетъ глаза и дѣлаетъ ихъ неспособными всмотрѣться, какъ слѣдуетъ, въ свои дѣйствія. Чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ далѣе отводитъ отъ самой мысли сравнить свои дѣйствія съ своими же рѣчами объ уваженіи къ закону.

Но бываетъ хуже. Рѣчи объ уваженіи къ закону льются изъ нашихъ устъ; безсознательнаго отношенія къ несогласію съ нашими рѣчами нашихъ же собственныхъ дѣйствій нѣтъ; несогласіе это видимъ, но прекратить его не имѣемъ ни малѣйшаго желанія. Въ тоже время желаемъ быть правы, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ.

Самую благодарную, можно сказать неистощимую почву, изъ которой можно извлечь несчетное разнообразіе оправданій, представляетъ ясное сознаніе благотворныхъ послѣдствій отъ нарушенія того или другаго закона. Признаніе обязательности закона въ цѣломъ составѣ его предписаній идетъ въ такихъ случаяхъ объ руку, совершенно мирно, съ признаніемъ полезныхъ послѣдствій отъ нарушенія того или другаго правила закона въ отдѣльности. Польза для службы, польза для дѣла, польза для другихъ лицъ, польза для себя, — однимъ словомъ, куда ни обернешься, отовсюду такъ и лѣзетъ польза, и притомъ польза не какого нибудь низменнаго свойства, въ родѣ наживы, а характера довольно возвышеннаго. Возьму хотя одинъ примѣръ изъ области близкой нашему сердцу. Въ дѣйствующемъ Уставѣ духовныхъ академій параграфъ 172-й содержитъ слѣдующее: „книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя академіями изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры“. Законъ ясенъ: не подлежатъ разсмотрѣнію цен-